

УДК 821(5).0-1

Черевченко В. В.

ЭТНОСОФСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ
ПОЭЗИИ ВОСТОКА: СЕМАНТИКА ЗАГЛАВИЙ

Статья посвящена исследованию семантических особенностей заглавий в произведениях средневековых поэтов Китая, Кореи, Вьетнама. Дана характеристика заглавий коммуникативного типа, которые представляют собой целые предложения. Это обусловлено спецификой официально-деловой и политической жизни древнего Китая, а также философией конфуцианства.

Ключевые слова: семантика, заглавие, коммуникативный тип, философия, конфуцианство.

Черевченко В. В. Етнософський зміст середньовічної класичної поезії: семантика заголовка. – Стаття.

Стаття присвячена дослідженню семантичних особливостей заголовків у творах середньовічних поетів Китаю, Кореї, В'єтнаму. Дана характеристика заголовків комунікативного типу, які являють собою цілі речення. Це зумовлено специфікою офіційно-ділового та політичного життя давнього Китаю, а також філософією конфуціанства.

Ключові слова: семантика, заголовок, комунікативний тип, філософія, конфуціанство.

Cherevchenko V.V. Ethnosophical content in medieval classical poetry, semantics of title. – Article.

The article is devoted to studying of semantic peculiarities of titles in the works of medieval poets of China, Korea, and Vietnam. The characteristic of titles has communication type which constitute the whole sentences. This is caused by specific of official business and political life of the ancient China and the philosophy of Confucianism.

Keywords: semantics, title, communicative type, philosophy, Confucianism.

Историю мировой литературы сложно представить без философского и художественного наследия Востока, прежде всего китайской культуры, традиции которой оказали огромное влияние на цивилизационные процессы во всем мире. Ее философско-религиозная система – конфуцианство – на долгие годы определила особенности политической, культурной, экономической жизни не только Китая, но и других восточных стран. Первоначально конфуцианство было лишь одним, хотя и очень влиятельным, учением древнего Китая, существовавшим с рядом других – даосизмом, моизмом, легизмом и др. Однако, после объединения Китая и создания централизованной империи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), оно постепенно усилилось, и на рубеже II и I вв. до н.э. стало государственной идеологией императорского Китая [10].

Говоря о восточной культуре, следует отметить ее самобытный характер, оригинальное этнософское содержание, яркий лингвокультурный смысл, во многом отличный от европейской эстетики. „В истории, в искусстве Китая, Кореи, Вьетнама, – отмечает И. Смирнов, – вдоволь самобытного, глубоко национального; во многом и сходного, того, что, объединяя культуры этих стран, делает их безошибочно отличимыми от ближайших соседей, будь то монголы на севере или бирманцы на юге...“ [7, 461]. В данном случае речь идет об иероглифическом письме, возникшем в древнем Китае и далее заимствованном национальными культурами Кореи и Вьетнама.

В литературе трех стран образовалось удивительное языковое единство: в Китае – вэньян, язык классической письменной словесности; этот же, по существу, язык в Корее – ханмун и во Вьетнаме – ханван. Вэньян – ханмун – ханван – это язык (или языки) общей для дальневосточного региона культурной традиции, корни которой уходят в китайскую древность [7, 462]. Она выработала четкие правила и нормы, свою стилистическую систему, определенное проблемно-тематическое содержание. Задача настоящего исследования заключается в том, чтобы с помощью этнософских подходов раскрыть специфику семантики заглавий в произведениях средневековых поэтов Востока.

Подходы к проблеме анализа художественного смысла в разные исторические и культурные периоды существенно отличались. В отечественной филологии этот вопрос связан с именем А. Потебни, который отнес его к лингвистическим. Он развил мысль В. фон Гумбольдта о творческом характере языка (сравните гумбольдтианскую теорию о языке как объединенной духовной энергии народа [3]), на основе которой сформулировал положения о его эвристической функции: „Язык является средством передачи не готовой мысли, а создание ее“ [6, 247], выдвинул концепцию о „ближайшем“ и „дальнейшем“ значении слова, определил основные аспекты проблемы внутренней формы слова и текста.

Новый этап в изучении смысловых отношений в литературно-художественном произведении начинается в 20-е годы XX ст. (в трудах Л. Щербы). Ученый писал о недостатках в преподавании литературы, которые сводились к анализу историко-литературных и историко-культурных особенностей, при этом указывал на необходимость создания такого метода толкования художественного произведения, целью которого был бы „анализ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений“ [9, 26-27]. Б. Ларин называл такой подход „спектральным анализом стиля“, хотя он „намечается как перспектива работы, еще не осуществленной“ [4, 278].

Существенным в решении этой проблемы является понимание литературно-художественного произведения как явления искусства. Теоретические вопросы стилистики художественного творчества, глубокого понимания ее роли во всех процессах эстетики и искусства, изложены в ряде работ А. Вежбицкой, И. Билодида, Л. Булаховского, В. Виноградова, Г. Винокура, В. Жайворонка, Ю. Степанова. В отличие от обычной речи, которая передает сообщение прямолинейно, язык как искусство обладает способностью воспроизводить действительность своими специфическими стилистическими средствами с целью

не только номинативно-информационного, но и художественно-эстетического воздействия.

В этой структуре слово, с одной стороны, будучи соотнесенным с другими единицами текста, становится элементом коммуникации, а с другой – выразителем специфического образного содержания, присущего только данному произведению. Тем самым оно реализует его эстетическую художественную функцию, которая является решающим фактором образного воспроизведения действительности, ее экспрессивной оценки. Именно она определяет функциональные особенности языковых единиц в литературно-художественном произведении, раскрывает смысловую многоплановость образа. В этом и заключается **актуальность** данного исследования.

Целью работы является исследование смысловых и мотивационных особенностей заглавий в произведениях средневековых поэтов Китая, Кореи, Вьетнама.

Поставленная цель обусловила решение следующих **задач**:

1. Обосновать причины возникновения смысла на уровне художественной речи.
2. Исследовать семантическое разнообразие заглавий в средневековой восточной поэзии.
3. Определить мотивационные особенности семантики заглавий в художественных произведениях Древнего Востока, их способность к приращению смысла.

Объектом исследования является семантическая структура заглавий, **предметом** – мотивационные особенности семантики заглавий в произведениях средневековых поэтов Востока.

Материалом исследования послужили художественные произведения средневековых поэтов Китая, Кореи, Вьетнама.

В работе использованы **методы** сравнительно-исторического, описательного, контекстуального, концептуального анализов.

Ключевую роль в иерархии языковых единиц художественного текста играют концептуальные понятия, среди которых – заглавия. Важным моментом при описании их семантических особенностей является установление классификационных признаков, то есть определенной типологии. В зависимости от степени сохранения смысловой целостности основного компонента семантической структуры заглавия – предметно-логического ядра – выделяем несколько семантических типов:

1) семантика заглавий первого типа не дает ключа к раскрытию содержания произведения, напр.: „Ируон“, поскольку это название не имеет лексической манифестации в общепонятном языке;

2) семантика заглавий второго типа частично, на номинативном уровне позволяет определить содержание произведения, напр.: „Штабс-капитан Рыбников“ А. Куприна, „Война и мир“ Льва Толстого, „Преступление и наказание“ Ф. Достоевского;

3) семантика заглавий третьего типа представляет собой краткую коммуникативную информацию об актуализированном в художественном тексте содержании, напр.: „Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове, у берегов Америки, близ устья реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написано им самим“ Д. Дефо, которое сейчас более известно как „Робинзон Крузо“.

Таким образом, в литературно-художественном произведении функционирование заглавия как языковой единицы сопровождается актуализацией его определенных семантических признаков. На этом фоне устанавливаются специфические особенности художественного смысла заглавия, структура которого базируется на лексико-семантических закономерностях, однако подчинена эстетическим задачам.

Говоря о средневековой восточной поэзии, следует отметить, что в ней чаще всего представлены заглавия номинативного или коммуникативного характера, то есть второго и третьего типов, семантика которых содержит предметно-логическую составляющую. Нами прежде всего будут рассмотрены заглавия третьего типа, которые имеют ярко выраженную национальную специфику, напр.: „Стихи в пятьсот слов о том, что у меня было на душе, когда я из столицы направлялся в Фэнсян“ Ду Фу (712-770), „Я смотрю, как убирают пшеницу“ Бо Цзюйи (772-846), „В девятнадцатый день одиннадцатой луны года Синь-Чоу распрощался с Цзы-Ю у западных ворот Чжэньчжоу“ Ван Аньши (1021-1086), „У почтовой станции Цзячуаньпу попал в мелкий дождь; вокруг стало удивительно красиво“ Лу Ю (1125-1210), „На проводы Чжао из финансового ведомства Хубу, уезжающего в связи с назначением на должность начальника округа Хуайян“ Ли Панлуня (1514-1570) (здесь и далее источником иллюстративного материала является поэтическая антология „Светлый источник“). Синтаксическая структура таких заглавий (они представляют отдельные предложения, а не слова или словосочетания) обусловлена спецификой официально-деловой и политической жизни древнего Китая и, прежде всего, философией конфуцианства.

Государство мыслилось конфуцианцами как аналог большой патриархальной семьи, в которой император должен играть ту же роль, что и полновластный глава рода или клана. Видимо этим объясняется хвалебное содержание заглавия стихотворения „В день рождения императора, услышав о его поездке за укрепленную линию границы“ Ли Мэньяна (1473-1529) или безапелляционная готовность выполнения приказа императора, содержащегося в строках „Во время расставания, когда, получив повеление императора составлять „Историю Юань“, отправлюсь в столицу“ Гао Ци (1336-1374). Поскольку в традиционной китайской семье существовала жесткая иерархия, то конфуцианская доктрина предполагала соблюдение строгих норм соподчиненности и, соответственно, господство принципа беспрекословного подчинения младшего старшему. Ярким примером таких отношений может

служить заглавие стихотворения Лю Чанцина „Радуюсь приходу сановника Шиюя Хуанфу в мой загородный дом у Быцзянь – лазоревого ручья“ или исполненные раболепия строки „Преподношу Юаньцзаю Цао, управляющему Чжанчжоу“ Ма Шици (1584-1644). Эти нормы были выражены в так называемых „пяти взаимоотношениях“ – отношениях между государем и подданными, между отцом и детьми, между старшими и младшими братьями, между мужем и женой и между друзьями.

Известно, что в основе конфуцианства лежит „идея гармонии принципов личного нравственного самосовершенствования и деятельности, направленной на упорядочение государства во имя создания идеального общества, соответствующего древним образцам“ [10]. Предполагалось, что нравственное самосовершенствование является предпосылкой успешной деятельности на государственном поприще. В Китае волю государя несли народу верные чиновники, которые беспрекословно служили правителю до той поры, покуда он в своей деятельности следовал предначертаниям всемогущего Неба; в противном случае честный чиновник-конфуцианец обязан был или поправить отступника – даже ценою собственной жизни, или удалиться от дел [7, 462]. В отдельных стихотворениях находим сведения подобного характера, напр.: „Провожая младшего префекта Ли, ссылаемого в утесы Ся, и Вана, младшего префекта, ссылаемого в Чанши“ Гао Ши (702-765), „Думаю о Яне, Сюе и других изгнанниках, вспоминаю годы, когда в саду Сиюань мы слушали песни“ Гао Ци (1336-1374). Иногда заглавия выражают информацию о причине наказания, напр.: „Пишу, услышав, что несколько уездных начальников наказаны за взятки“ Ли Рюбо (1169-1241).

Идеи конфуцианства как официальной идеологии империи оказали огромное влияние на формирование всей ее политической системы. Само слово „конфуцианство“ – европейского происхождения. Его китайский эквивалент – „жу-цзя“, означает „учение благовоспитанных (или просвещенных) людей“, что позволяло некоторым ученым прошлого века называть конфуцианство „религией

учених“. Идеальная личность в конфуцианстве называлась „благородным мужем“ (так называемым цзюнь-цзы), которым мог быть любой человек, независимо от происхождения, единственный критерий его „благородства“ – строгое и неукоснительное следование нормам конфуцианской морали. Это отобразилось прежде всего на системе испытаний будущего чиновника. Экзаменующийся (теоретически, им мог быть любой человек, кроме детей проституток, парикмахеров или актеров) должен был во время экзамена продемонстрировать свое знание конфуцианской философии и умение применять ее принципы на практике. Эта система благополучно существовала в Китае до 1905 г., после чего она была заменена европейской общеобразовательной системой [10].

С целью духовного усовершенствования личности была выработана четкая система требований при подготовке таких чиновников (цзюнь-цзы), целостная структура определенных воспитательных норм, которые отвечали прежде всего государственным интересам. Поэтому так часто в названиях стихотворений встречаются лексемы на обозначение должностей государственных служащих (*чиновник, сановник, префект, шаофу, помощник правителя, сановник-шилан, начальник округа*) и даже их собственные имена, напр.: „Провожая Ду, уезжающего в Шучжоу на должность шаофу – помощника правителя уезда“ Ван Бо (649-676), „Вместе с чиновником Лу Сяном посетил лесную обитель отшельника Цуй Синцзуна“ Ван Вэя (701-761), „Чиновник в Синьани“ Ду Фу (712-770), „Осенней ночью посылаю сановнику Цю двадцать второму“ Вэй Инью (737-790), „Вместе с сановником-шиланом Ханем гуляем на озере семьи Чжэнов, поем стихи, пьем вино“ Бо Цзюйи (772-846), „На проводы внештатного чиновника Юня, отправляющегося с инспекцией в Инчжун“ Ли Панлуня (1514-1570), „Провожая Цзяна, начальника округа, уезжающего в область Цинчжоу“ Чжу Цичжи (II половина XVI в.).

В „курс обучения“ входили не только определенные аспекты философии, музыки, литературы, которые давали наиболее верное представление о народной жизни и нравах, но и литературная практика, то есть умение писать оды и стихи.

Восточные чиновники, пытаясь подчеркнуть свою ученость, в собственных произведениях часто использовали имена известных поэтов, напр.: „Читал стихи Тао Юаньмина и не мог от них оторваться. Развлекаясь, написал и посвятил ему небольшое стихотворение“ Синь Цици (1140-1207), „Вторю стихам Цзы-Ю о ярмарке шелка“, „Вторю рифмам Цзян Хуэй-Шу“ Су Ши (1037-1101). Не менее продуктивно поэт Су Ши использовал названия известных произведений, напр.: „Вторю стихам Тао Юаньмина „Подражание древнему“ или „Вторю стихам Цзы-Ю „Посетив обитель в уезде Миньчи, вспоминаю о прошлом“. Иногда предметом поэтического вдохновения могла быть даже картина того или иного художника, напр.: „Надпись к картине, на которой изображен Юаньмин по прозвищу Улю-пять ив“ Юань Цзинсо (II половина XIV в.), „Надпись к картине Яо Шаоши, изображающей бамбук“ Цзя Гуаня (ок. 1521г.), „Надпись к картине „Дрозды на ветках зацветающего абрикоса“ Ли Жэньлао (XVII в.), „Надпись к картине „Минфэй выезжает за линию границы“ Хуана Юцзао (XVII в.), „К картине „Слезы при расставании на мосту через реку“ Тяня Чженьляна (XVII в.).

Могучее воздействие конфуцианства на китайскую культуру сказалось прежде всего в том, что и в жизни, и в искусстве порицалось и изгонялось все естественное, почитавшееся грубым, животным, вульгарным, ибо его не коснулась цивилизующая конфуцианская мудрость. Именно одним из проявлений животной грубости мыслилась чувственная любовь, поэтому в средневековой восточной поэзии отсутствует традиционная для европейской литературы тема *любви*, в ней естественную любовь полов пытаются заменить „возвышенной любовью друзей-мужчин, которых на всю жизнь объединяют общие идеи и общее воспитание“ [7, 468]. Видимо этим объясняется мужская семантика заглавий многих классических стихотворений средневекового Китая, напр.: „Провожая друга“ Ли Бо (701-762), „Провожая Ван Цзыли у источника Бодхисаттв, что в Учане“ Ван Аньши (1021-1086), „Провожая друга“ Синя Цици (1140-1207), „Прощание с другом во время ночной остановки в Сякоу“ Ли Мэньяна (1473-1529), „На проводах Чжу-Цзы, возвращающегося на юг“ Шэнь Ляня (1507-1557).

Иногда в содержании заглавия находим указание на родственные отношения людей, напр.: „Написано при луне в ответ старшему сыну Цзюню, опечаленному разлукой с младшим братом“ Хуанфу Фана (1503-1582), „В отсутствие отца провожаю его друга, уезжающего в Синьянь“ Лу Цзюаня (XVII в.).

Конфуцианская идея семьи-государства, где подданные подчиняются правителю, как дети отцу, а чиновники – своим начальникам, как младшие старшим в семье, была привлекательна для молодых монархий Кореи и Вьетнама; сравните для примера заглавия двух стихотворений: „Возвращаясь со свитой государя в столицу“ Чан Куанг Кхая (1241-1294) и „Вместе с государем уезжаю в Бао-Тяю“ Ву Зюэ (1468-1522). Заимствование идеи требовало и заимствования практики управления. Может быть этим объясняется привлекательность вьетнамской поэзии назидательного характера, напр.: „Наставление ученикам“ Ван Ханя (ум.1018 г.) или „Прославляю Винитаручи, проповедника учения Тхиен“ Ли Тхай Тонга (1000-1054). Уже классическими по своему философскому содержанию стали строки „Вечны рождение, старость, хвори и смерть“ Зиеу Няна (1072-1143), а также стихотворение Кхонга Ло „Говорю об устремлениях души“.

Следует обратить внимание на доминирование определенных образов, тем и мотивов в средневековой восточной поэзии, мотива *дороги (пути)*, например: „Я впервые на Тайханской дороге“ Мэн Цзяо (751-814), „Утром отправился в путь по реке Хуанхэ и написал об увиденном“ Са Дуцы (1308-?), „Провожая Сюй Ши, который вновь едет на службу в Шань“ Сун Ляня (1310-1381). Он обусловлен несколькими причинами: во-первых, пребывающий на государственной службе чиновник часто бывал в пути; во-вторых, ему строго запрещалось занимать должность в родном краю; в-третьих, долго пребывать на одном месте. Поэтому часто встречаем соответствующие собственные названия, напр.: „Возвратившись морем после похода на Тямпу, причаливаю в заливе Фук-Тхань“ Чан Ань Тонга (1275-1320), „В уезде Цзянлин пишу в лодке. Посылаю почтенным Тяню и Ли“ Ян Шеня (1488-1559), „Страдаю от холода на реке Бяньхэ“ Сюй Банцяя (XVI в.),

иногда заглавия имеют абстрактный характер: „Скитания по морю“ Ли Баньика (XVIII в.).

Дорога – это „жизненная реальность для поэта-чиновника, но это и образ неумолимого времени, а значит, и человека – странника, гостя в этом мире. Поэтому тема *старости* возникает задолго до того, как поэт достигает склона жизни: он знает, что старость придет, как приходила ко всем до него, а стало быть, и седина появится в свой срок (как с наступлением осенней поры, заката года, ложится на листья белый иней)“ [7, 467]. Яркое свидетельство такого подхода – заглавие стихотворения „Впервые увидел у себя седые волосы“ Ван Тинсяна (1474-1544).

Философия конфуцианства гласит, что старость и смерть полагается встретить мужественно, поэтому „полезно созерцать то, что приучает человека к мысли о бренности всего сущего – летящие облака, струящийся поток, а чаша вина или глоток чая словно бы останавливают время, внушают легкий сон наяву, который помогает постичь гармонию мира, избавиться от суетных страстей, обрести чистоту вечной природы [7, 467]. Этим объясняется поэтическое переживание прошедшего, древности, отсюда появление образа *могилы*, напр.: „Могила полководца Юэ Фэя“ Чжао Мэнфу (1254-1344), „Могила Чжэнь-Нян“ Рао Ци (1336-1374), „Могила Лю Куня, начальника военного ведомства при Цзинь“ Цзинь Чжуна (XVII в.).

Таким образом, конфуцианство наряду с другими религиозно-философскими учениями и традициями Востока может рассматриваться как выдающееся по своему содержанию историческое, политическое и культурно-эстетическое явление. Во-первых, оно глубоко повлияло на все китайское общество, на систему ценностей традиционного Китая и этнопсихологию китайского народа (это ощущается и в сегодняшней жизни китайцев). Во-вторых, на протяжении более чем двух тысячелетий (с рубежа II-I вв. до н.э. и до свержения монархии в 1911 г.) конфуцианство, являясь официальной идеологией

Китайской империи, по существу выполняло в обществе те же функции, что и государственные религии в других культурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелёва под ред. Т. В. Булыгиной / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I – XII, 780 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры: Пер. с нем. / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
4. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя / Б. А. Ларин. – Л.: Худож. лит. 1974. – 288 с.
5. Пешковский А. М. Избранные труды / А. М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1959. – 251 с.
6. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
7. Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама: Сост. Е. Дьяконовой. / Послесл. и прим. И Смирнова. – М.: Правда, 1989. – 480 с.
8. Степанов Ю. С. Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, перер. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
9. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М.: Учпедгиз. – 1957. – 188 с.
10. <http://www.km.ru/referats/333881-konfutsianstvo-%E2%80%93-filosofiya-i-religiya-kitaya>